

Гектор Аккерман

Архив тринадцати:
Дом, в котором никто
не живет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Архив тринадцати

Гектор Аккерман

**Архив тринадцати: Дом, в
котором никто не живет**

«Автор»

2026

Аккерман Г.

Архив тринадцати: Дом, в котором никто не живет /
Г. Аккерман — «Автор», 2026 — (Архив тринадцати)

В глухом костромском лесу, где даже птицы замолкают, стоит дом. Срубленный в конце восьмидесятых, он так и не увидел новосёлов. Местные обходят строение стороной. Говорят: тот, кто войдёт, либо исчезнет бесследно, либо вернётся с чужими воспоминаниями. С фотографиями в кармане, которых он не делал. С именами, которые ему не принадлежат. Журналист Ярослав Никаноров находит этот дом по бумагам отца, пропавшего два года назад. В полу родительской спальни обнаруживается старая папка. На обложке тиснёный символ цикады. Внутри стёртые координаты и обрывки фраз. Ярослав решает переступить порог. Он хочет понять, что случилось с отцом. Но дом не отвечает на вопросы. Он открывает дверь не в комнаты в память. Туда, где чужая жизнь становится твоей. И не закрывает её обратно. Теперь у Ярослава есть только дневник и страх, который остался единственным живым спутником. Вопрос не в том, что он найдёт за дверью, а выйдет ли он оттуда собой?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Интерес	8
Глава 2. Деревня	15
Глава 3. Дом	22
Гл	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Архив тринадцати: Дом, в котором никто не живет

Пролог

Москва — Реутов, середина мая 2000 года

Квартира пахла отсутствием.

Не пылью, не старостью, не лекарствами, которыми последние три месяца была пропитана мамина спальня. Отсутствием. Как если бы из воздуха вынули какой-то важный элемент, и теперь кислород смешивался с пустотой, и дышать этим было нельзя, но приходилось.

Ярослав Никаноров стоял посреди комнаты родителей и не мог заставить себя сделать следующий шаг. Два месяца назад он похоронил мать. Два года — не похоронил отца. Последнее было хуже. Гораздо хуже. Потому что могила — это точка. А пропажа — это многоточие, которое никогда не кончается. Он медленно прошёл по коридору, касаясь пальцами косяков. Ростом под два метра, сутулый, он всегда казался в этой квартире слишком крупным, будто мебель здесь была сделана для других, меньших людей. Светлые волосы отросли, падали на лоб. В зеркале в прихожей мелькнуло отражение — серо-голубые глаза с красными прожилками, высокие скулы, лицо, которое женщины называли симпатичным, но сейчас он сам себе казался чужим.

Спальня родителей. Кровать застелена — мама перестала спать на своей половине после исчезновения отца. Прикроватная тумбочка. На ней стопка книг: детективы, журнал «Здоровье», старая лампа с пыльным абажуром. Ярослав сел на край кровати, достал из внутреннего кармана куртки дневник. Кожаная обложка, потёртая. Он вёл его с 1994 года, ещё в «Московской правде», потом перешёл на независимые расследования, а привычка записывать осталась. Сейчас он хотел сделать пометку: «16 мая. Разбираю вещи. Ничего нового». Но дневник выскользнул из пальцев. Упал на пол. Не раскрылся — упал плашмя, но край обложки задел щель между половицами. Ярослав нагнулся, поднимая дневник, и замер.

Половица возле тумбочки была не прибита. Она чуть приподнималась с одной стороны, будто под ней что-то лежало. Он пошевелил её ногтем — она поддалась. Тогда он подцепил край и оторвал доску.

Под ней оказалась ниша. Небольшая, аккуратно вырезанная в черновом полу. И в ней — старая картонная папка. Серого цвета. Без надписей снаружи. Но когда Ярослав достал её, на обратной стороне увидел тиснённый символ. Цикада.

Насекомое с прозрачными крыльями, расправленными в симметричном узоре. Тонкие лапки. Усики, расходящиеся в стороны. Он видел этот значок раньше — на отцовских документах, на пропусках, на визитках, которые отец никогда никому не давал. Ярослав вдруг понял, что он вообще мало что помнит об отцовской работе. Только — цикаду. И странные разговоры за ужином, которые прекращались, когда он входил на кухню.

«НПИ НСА». Гласил заголовок на папке, чуть ниже расшифровка аббревиатуры:

«Научно-производственный институт наблюдений за социологической активностью» г. Котельники.

Ярослав открыл папку. Внутри лежало несколько пожелтевших листов, скреплённых бечёвкой. И один — отдельно, более плотный, почти картон. На нём машинописным шрифтом:

«Архивное дело А-13-001»

В папке были листы с таблицами, графиками, какие-то протоколы. Но первое, что привлекло внимание — рукописный лист, исписанный отцовским почерком. Мелким, нервным, с резкими нажимами.

«1992. Объект “Дом”. Координаты: Костромская область, [стерто]. Предварительный вывод: [стерто]. Реагирует на [стерто]. Кто тут был — выходил с чужими воспоминаниями. Проверка гипотезы: разместить наблюдателя. Результаты — см. приложение 3.»

Дальше шла какая-то схема. И в углу листа — приписка, сделанная красными чернилами, не отцовской рукой:

«...прекратить. Объект законсервирован. Работа временно остановлена. Подпись — [неразборчиво].»

Ярослав перевернул лист. На обороте была фотография. Дом. Большой деревенский дом, бревенчатый, с крыльцом по сторонам которого были расположены два окна. Покосившийся забор и заросшая бурьяном территория.

В горле пересохло.

Он вдруг вспомнил тот вечер. 1998 год, весна. Он приехал к родителям на ужин. Отец сидел на кухне, перед ним была развёрнута карта России. На карте — точки, соединённые линиями. Ярослав спросил, что это. Отец ответил: «Просто старая работа». Но убрал карту слишком быстро. А мать смотрела на мужа так, будто видела его в последний раз.

Через месяц отец пропал.

* * *

Ярослав достал дневник и открыл на чистой странице. Написал:

«17 мая 2000, Реутов. Нашёл папку отца. Цикада. Дело А-13-001. Костромская область. Какой-то дом. В документах половина информации стерта. Это не имеет смысла.»

Он остановился. Поставил точку. За окном было тихо. Поздний вечер, Реутов затихал. И вдруг — он услышал легкое, едва уловимое стрекотание. Звук длился около трех секунд. Потом прекратился.

Ярослав закрыл папку. Убрал её в рюкзак. Вышел из квартиры, не оглядываясь. Дверь захлопнулась за спиной с утробным стуком. В подъезде горела тусклая лампа, обшарпанные стены украшены многочисленными надписями и едкими посланиями. Каждый их сантиметр буквально кричал:

«Долги отдай, мразь!!!».

«Кв. 42 — СИДИМ».

«Сосед снизу — козёл!!!».

«Гога урод!!!»

«Марина проститутка»

Грубые, злые, написанные дрожащей рукой или выцарапанные острием.

Ярослав начал спуск. Подошвы кроссовок тихо шуршали по бетонным ступеням. Четвёртый этаж. Третий. Он спускался угрюмый, погруженный в раздумья. Вопросов копилось все больше, и гнетущее, разъедающее чувство жгло его изнутри. На площадке между третьим и вторым его взгляд зацепился за что-то, выбивавшееся из этого месива ненависти. Надпись была сделана маркером. Буквы были мелкими, почти каллиграфическими, будто тот, кто писал, не торопился:

«Из памяти не уходят. Из неё вычищают.»

Под надписью — дата. Не сегодняшняя. Не вчерашняя.

«1998. Осень.»

Осень. Через три месяца после того, как отец пропал.

Ярослав остановился. Палыцы, сжимавшие перила, побелели, в голове запульсировало, мысли скачками наслаивались одна на другую: «Эта фраза — она была не про абстрактную «память». Она была про отца. Про то, что тот нашёл в Костромской области.» - подумал он. И тут же — внутренний рывок, почти физический. Он мотнул головой, сбрасывая наваждение.

— Совпадение, — сказал он вслух. Голос в бетонном мешке лестницы прозвучал глухо и неубедительно. — Всё это стресс. Похороны, папка, бессонница. В город полно таких умных «фразочек» понаписано. Люди пишут всякую чушь. И дата... мало ли кто и когда что написал.

Он почти заставил себя поверить. Почти.

Выдохнув, он продолжил спускаться, дошел до подъездной двери, перешагнул порог и вышел в Реутов, который уже стремительно утопал в сумерках...

А на дне рюкзака, в серой папке, лежало архивное дело А-13-001. И ждало своего часа.

Глава 1. Интерес

Москва, Таганка, квартира на третьем этаже с окнами во двор-колодец

20 мая 2000 года

Он сидел на продавленном диване, на котором спал последние три года, и смотрел в окно. За стеклом был московский двор-колодец — квадрат серого неба, квадрат чужой жизни. Где-то на четвёртом этаже орал телевизор. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. Город жил своей привычной жизнью, не зная ни про какой дом в Костромской области, ни про цикад, ни про архивное дело А-13-001. На столе перед ним лежала серая папка. Он не открывал её уже два дня. Не потому, что боялся. Он проверял себя. Журналистский опыт подсказывал: с важными документами нельзя работать на эмоциях. Нужно остыть, посмотреть свежим взглядом, отделить факты от вымысла.

Но факты были простые. Отец пропал. Мать умерла. В полу спальни нашлась папка с грифом института — Ярослав проверил: телефон в Котельниках не отвечал, здание по адресу значилось как «арендуется под офисы», а в реестре юр.лиц НПИ НСА был даже не зарегистрирован.

Он встал, прошёл на кухню, поставил чайник. Квартира была маленькой, однокомнатной, с низкими потолками и вечным запахом табака, который въелся в обои. На книжных полках — не книги, а папки с расследованиями: подшивки статей, распечатки из интернета, фотографии. За одиннадцать лет независимой работы он скопил архив, который мог бы позавидовать любой редакции. И ни одного личного предмета. Даже фотографии родителей он не повесил на стену — просто не дошло.

Чайник закипел. Ярослав заварил чёрный, без сахара, сел обратно к столу и открыл папку.

Он перечитал документы. Всё то же: «Объект “Дом”», «Костромская область». Но теперь его взгляд зацепился за примечание мелким шрифтом внизу страницы: «Дополнительные сведения — см. дело А-13-002, лист 47». Дела А-13-002 не было в папке. Значит, отец забрал только первый том. Или кто-то другой.

Ярослав достал дневник — тот самый, что выпал из рук в родительской спальне. На чистой странице написал:

«20 мая. Нужно найти дом. Но координаты стёрты. Единственная зацепка — Костромская область. Слишком много деревень. Начинаю поиск.»

Он взял телефон. Трубка, диск, провод — старая советская модель, которая работала безотказно. Набрал номер бывшего коллеги, который теперь трудился в «Костромской правде» — районной газете, где новости были размером с укусы комара, но местные жители читали каждую строчку.

— Алё, Семён? Никаноров беспокоит. Из Москвы.

— Ярослав? Сколько лет! — голос в трубке был радостным, с хрипотцой. — Слышал, ты вольный стрелок теперь? Как расследования?

— Работа идёт. Семён, мне нужна помощь. Ты местные сводки за последние лет шесть помнишь?

— Я их писал, — усмехнулся Семён. — Что ищешь?

— Дом. В какой-то деревне в вашей области. Дом, который построили, но никогда не заселяли. По ночам там горит свет. Слышал о таком?

В трубке повисла тишина. Секунда, две.

— Зачем тебе это? — голос Семёна изменился, стал тише.

— Расследую одно исчезновение. Может быть связано.

— Знаешь, Ярослав, — Семён замялся, — я слышал такие истории. Но не из официальных источников. Бабки на лавочках треплются. Про Глухой овраг, про Чёрную избу. Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда.

— Ладно. Я подниму подшивки за 1993–1999. перезвоню.

— Спасибо. И ещё, Семён. Если встретишь символ цикады — сразу звони.

— Кого? — не понял Семён.

— Цикаду. Насекомое.

— Ты в своём уме?

— Возможно, нет. перезвони.

Он положил трубку и занялся другим. Звонок в Государственный архив Костромской области. Долгие гудки, механический голос: «Соединяю». Женщина с голосом, похожим на скрип несмазанной двери, сказала, что документы по сельским поселениям выдаются только по официальным запросам. На вопрос о домах, которые не заселялись, ответила: «У нас нет такой категории учёта».

Никто не фиксирует пустоту.

Он написал запрос от имени редакции, в которой уже не работал, — старая визитка и знание внутренней кухни помогали до сих пор. Отправил факсом. Ответ обещали через две недели.

Две недели. У него не было двух недель.

* * *

Прошел день, Ярослав даже не выходил из квартиры. Он методично пытался докопаться до истины: звонил в районные газеты, в краеведческие музеи, в сельские администрации. Каждый раз одно и то же: «Ничего не знаем», «В первый раз слышим», «Не морочьте голову».

Исключение — разговор с заведующей отделом сельского хозяйства в одном из районов Костромской области. Женщина лет пятидесяти, которая в конце беседы вдруг спросила:

— Вы из Москвы, говорите? А зачем вам этот дом? Там никто не живёт.

— Откуда вы знаете? — Ярослав не поверил своим ушам.

— Я там родилась. Деревня Малиновка. Дом этот ещё при мне построили, в конце восьмидесятых. Приехали какие-то люди, поставили сруб, крышу покрыли — и уехали. Никто никогда не въезжал. А по ночам, говорят, свет горит. Я не проверяла, не ходила.

— А название? Название деревни вы сказали?

— Малиновка. Только на картах её нет. Дорогу знают только местные.

Ярослав записал. Спросил, как проехать. Женщина продиктовала маршрут — сначала по трассе до городка Нерехта, потом на юг, мимо посёлка Космынино, потом лесная грунтовка. И в самом конце:

— Только вы, молодой человек, будьте осторожны. Мой дед говорил: дом, в котором никто не живет, — это не дом. Это ловушка.

Она положила трубку. В голове у него крутилось только одно слово — *ловушка*.

Ярослав не мог сидеть на месте. Вскочил, прошёлся по комнате — от стены с книжными полками до подоконника, потом обратно. Шаги отдавались в пустой квартире глухим эхом. Остановился у окна. Во дворе-колодце было пусто — только мусорный бак, пара голубей и женщина, которая вытряхивала ковёр с балкона третьего этажа. Обычная жизнь. Теперь, когда зацепка появилась, он не мог позволить себе ошибиться.

Он снова сел к столу, разложил перед собой карту Костромской области — старую, советскую. На ней не было Малиновки. Но был Нерехтский район, и были лесные массивы, обозначенные штриховкой. «Земли запаса», — прочитал он в легенде. Территории без населения, без дорог, без обозначений. Идеальное место для того, чтобы построить дом, который никто не заметит.

Он взял дневник и начал писать быстро, почти стенографически:

«Версия №1: Дом построен институтом (НПИ НСА) как объект для исследований. Цель — неизвестна. Версия №2: Дом существовал всегда, а институт его обнаружил. Версия №3: Дом — не дом в обычном смысле. Архитектурная форма — только оболочка. Что внутри — неизвестно.»

Он перечитал написанное. Ни одна версия не выдерживала критики. Слишком много допущений, слишком мало фактов. Но другого пути не было.

Он позвонил в Кострому ещё раз — не в архив, а в областную библиотеку имени Н.К. Крупской. Попросил соединить с отделом краеведения. Ответила девушка с молодым, ещё не уставшим голосом:

— Слушаю.

— Мне нужны сведения о нежилых строениях в Нерехтском районе. Дома, которые были построены, но не заселены. Временной промежуток — конец 1980-х — 1990-е.

— Станный запрос, — девушка хмыкнула. — Обычно ищут жилые. А вам зачем?

— Журналистское расследование.

— Ах, ну тогда другое дело. — В её голосе появилась заинтересованность. — Знаете, у нас есть подшивка газеты «Нерехтская жизнь» за 1991–1995 годы. Там был цикл статей про «заброшенные стройки». Я помню одну — про дом на Малиновском кордоне. Но это не точно, надо смотреть.

— Посмотрите, пожалуйста. «Я могу приехать?» — торопливо произнес Ярослав.

— Приезжайте. Но учтите — мы работаем до шести. И копирование платное.

— Я позвоню. Спасибо.

Он повесил трубку и посмотрел на часы. Половина первого. Если выехать сейчас, в Костроме он будет к вечеру. Но библиотека уже закроется. Значит — завтра.

Завтра. Слово повисло в воздухе, как приговор.

Он не мог ждать. Но и ехать наугад, без подтверждённых данных, было глупо. Журналистский опыт подсказывал: сначала проверь факты, потом действуй. Однако отцовский архив подталкивал к обратному. Он решил рискнуть. Позвонил Семёну снова. Тот, взял трубку, и сходу начал торопливо рассказывать, что ему удалось узнать.

— Слушай, я поднял подшивки, — голос Семёна был встревоженным. — У нас в 1995 году выходила заметка «Тайна Малиновского дома». Автор — наш внештатник, Василий Кротов. Он потом уехал из города, и я не знаю, где он сейчас. Но в заметке написано, что дом построен в 1988 году, заказчик — вроде бы какая-то московская организация. Название не указано. И что после завершения строительства дом закрыли и опечатали. Но печати срывались сами собой.

— Сами собой? — недоверчиво спросил Ярослав.

— Цитирую: «Несколько раз сотрудники местного РОВД выезжали на вызов — жители жаловались на свет в окнах. При вскрытии дома внутри никого не обнаруживали, но печати были сорваны».

Ярослав почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— А что за организация? Никаких намёков?

— Нет. — сухо ответил Семён

— Семён, ты можешь выслать мне копию этой заметки? Факсом или почтой?

— Могу. Но, Ярослав... — Семён замялся. — Я поговорил со старыми сотрудниками. Один из них сказал, что Кротов после той заметки месяца три не выходил из дома. И когда вышел — был седой, хотя относительно молодой, лет тридцати с небольшим. А стал как старик.

— Что с ним сейчас? — встревоженно спросил Ярослав

— Не знаю. Говорят, уехал в монастырь. Или в психушку. Точно никто не помнит.

Ярослав записал имя — Василий Кротов. Ещё одна ниточка. Ещё один человек, который видел дом и после этого перестал быть собой. Он поблагодарил Семёна, положил трубку и долго сидел неподвижно. В голове крутилась одна и та же фраза: «Печати были сорваны». Значит, в доме кто-то был. Но кто? И где он теперь?

Он снова открыл дневник.

«21 мая, вечер. У меня есть: название деревни (Малиновка), вероятный район (Нерехтский), подтверждение от независимого источника (газетная заметка 1995 года). И имя свидетеля — Кротов. Этого достаточно, чтобы начать. Послезавтра еду в Малиновку. Отец, если ты там — дай знак.»

Он захлопнул дневник и вдруг услышал — за окном, в московском дворе-колодце, кто-то свистел. Мелодия была странной, незнакомой, но в ней угадывался ритм — пульсирующий, неравномерный, похожий на стрекотание. Он выглянул в окно.

Никого. Только голубь сидел на карнизе и смотрел на него чёрным бусинным глазом.

Ночь он почти не спал. Лёг на диван, закрыл глаза, но мысли не отпускали. Он перебирал в голове всё, что узнал за последние дни. Институт в Котельниках. Цикада. Архивное дело А-13-001. Дом в Малиновке. Свет по ночам. Поседевший Кротов.

В полночь он встал, налил себе воды, включил настольную лампу и достал отцовскую папку. Перечитал все листы в третий раз, теперь медленно, вглядываясь в каждую букву, каждую пометку. На одном из листов, в самом низу, он заметил то, чего раньше не видел — едва заметный отпечаток печати. Не гербовой, а какой-то странной, с неровными краями. Он поднёс лист к лампе, наклонил под углом. Печать была круглой. В центре — цикада. По краям — текст, но такой мелкий, что без лупы не разобрать. Ярослав нашёл увеличительное стекло (лежало в ящике стола, оставшееся от матери, которая увлекалась марками) и приставил к отпечатку.

«НПИ НСА. Котельники. Научная группа G – 7. Руководитель Н/СП/»

Он взял чистый лист и выписал все даты, которые хоть как-то могли бы внести ясность:
1992 — начало дела А-13-001.

1988 — строительство дома в Малиновке (по данным газеты).

1998 — исчезновение отца.

Шесть лет между началом дела и исчезновением отца. Шесть лет отец что-то знал. Знал и молчал.

Или не мог сказать.

Ярослав вспомнил один случай. 1997 год, лето. Он приехал к родителям на выходные. Отец сидел на балконе и смотрел, но не на улицу, а как будто куда-то в пустоту. Ярослав спросил, что случилось. Отец ответил: «Ты знаешь, сын, бывает такое: память — как ящик письменного стола. Вроде всё лежит, но кто-то без тебя перекладывал бумаги. И ты не можешь сказать, что исчезло, — просто чувствуешь, что порядок уже не твой.»

Тогда Ярослав подумал, что отец просто устал на работе. Сейчас он понял, что это был крик о помощи.

Он не помог.

Он уехал в Москву, в свою квартиру, к своим расследованиям. Позвонил через неделю — отец уже говорил нормально, спокойно. «Всё в порядке, сын. Не бери в голову».

Не бери в голову. Вот что он сказал.

Ярослав сжал дневник так, что побелели костяшки пальцев. Потом разжал. Написал:

«22 мая, 1:30 ночи. Я должен понять, что случилось с отцом. 24 еду в Малиновку. Страшно. Но страх — это топливо.»

Он выключил лампу и лёг. Заснул только под утро, когда за окном начали заливисто перепевать друг друга птицы.

* * *

«23 мая. Деревня Малиновка. Костромская область, Нерехтский район (предположительно). Завтра выезжаю. Нужно подготовить: камера, диктофон, фонарик, блокноты. Оружия нет — и не нужно. Я журналист, а не солдат. Но чувство такое, будто иду на войну.»

Ярослав открыл ноутбук — громоздкий, с монохромным экраном, но в 2000 году это было лучшее, что можно было купить на сбережения. Подключился к интернету через телефонную линию. Долгий писк модема, потом тишина.

Поиск по слову «Малиновка Костромская область» выдал три ссылки. Одна — про грибные места, вторая — заметка в районной газете за 1998 год: «В деревне Малиновка отключили электричество». Третья — форум краеведов, где кто-то написал: «А вы знаете, что в Малиновке есть дом, в котором никто не жил? Мой брат там ночевал — говорит, видел чужую семью. И проснулся с их фотографией в кармане. Фотографии он порвал, но она появилась снова наутро. Теперь боится спать.»

Ярослав снова перечитал сообщение. Сохранённая страница не имела даты, автор не указан. Но деталь про фотографии совпадала с тем, что было в отцовских документах: «Кто тут был — выходил с чужими воспоминаниями.» А фотографии — это ведь тоже память, застывшая на бумаге.

Так и прошёл день. В работе, в суматохе, в сопоставлении фактов, гонимый навязчивой идеей разобраться, что же все-таки происходит, и с редкими перерывами на перекус. Даже не заметил, как стемнело, и что пора бы уже отдохнуть перед поездкой.

Он не спал всю ночь. Лежал, смотрел в потолок и слушал, как за стеной кто-то ходит. Сосед сверху, наверное. Или не сосед.

Под утро ему приснился отец.

Отец стоял в поле, заросшем высокой травой. На плече у него сидела цикада. Ярослав хотел позвать, но отец поднёс палец к губам и показал рукой вперёд. Там, в тумане, угадывался силуэт дома.

— Не кричи. Они услышат. — пробормотал он.

Проснулся в холодном поту. Часы показывали 6:47 утра.

* * *

24 мая 2000 года, четверг

Ярослав собрал рюкзак. Проверил каждый предмет: фотоаппарат «Зенит» с плёнкой на 36 кадров, диктофон «Sony» на кассетах, два блокнота (для рабочих записей), свой дневник, в кожаном переплете, фонарик с запасными батарейками, компас, спички, нож (швейцарский, скорее для быта, чем для защиты), фляга с водой, сухой паёк на три дня. Документы — паспорт, пресс-карта (просроченная, но может пригодиться). И главное — папка отца. Он положил её на самое дно.

Перед выходом позвонил Семёну. Тот не ответил. Оставил сообщение на автоответчик: «Я нашёл деревню. Еду. Если через неделю не вернусь — звони в милицию. Скажешь, что я поехал в Малиновку. Спасибо.»

Он вышел из квартиры в 9 утра. Москва уже проснулась — душная, серая, с запахом бензина и жареных пирожков с лотка. На Ярославском вокзале купил билет до Нерехты. Электричка уходила через сорок минут. В вагоне было пусто — будний день, дачники ещё не подтянулись. Он сел у окна, достал блокнот и начал набрасывать вопросы:

1. Кто построил дом?
2. Почему его не заселили?
3. Достоверны ли слухи о нем?
4. Связан ли дом с институтом отца?
5. И главное — где отец?

Поезд тронулся. За окном поплыли окраины, потом поля, перелески. Ярослав смотрел на горизонт и думал о том, что каждый километр приближает его к неизвестности. Тринадцать километров от Москвы до Котельников — это было первое странное число. Теперь он ехал почти на четыреста километров северо-восточнее. Никакой нумерологии, только дорога.

Он вынул дневник. Написал:

«24 мая, электричка Москва–Нерехта. Я чувствую себя так, будто еду на собственные похороны. Это не страх. Это что-то другое. Интерес? Да. Интерес к тому, что не должно существовать. Журналист во мне сильнее человека. Но человек пока молчит. Посмотрим, кто из них закричит первым, когда я войду в этот дом.»

И захлопнул его.

Ярослав усмехнулся. И тут же услышал это — стрекотание. Тонкое, на грани слышимости, как будто кто-то водил ногтем по стеклу. Он обернулся. В вагоне никого, кроме спящего старика в конце.

Наваждение.

Поезд ускорился. Стрекотание прекратилось. Впереди была Нерехта. А за ней — Малиновка. Дом, в котором никто не жил. И ночной свет, который некому зажигать.

* * *

Нерехта, автостанция, 14:30

Ярослав вышел из электрички и сразу понял, что попал в другую реальность. Здесь воздух был прозрачнее, а тишина — плотнее. Городок Нерехта казался декорацией к дореволюционному фильму: одноэтажные домики, купола церкви вдалеке, асфальт, переходящий в грунтовку. На автостанции он спросил автобус до Космынина. Кассирша, женщина с усталыми глазами, сказала, что автобус ходит раз в день, в 6 утра. Сейчас его не будет до завтра.

— А такси? — немного раздраженно спросил Ярослав.

— Какое такси? — она посмотрела на него как на инопланетянина. — Вон, дядька на «копейке» подрабатывает. Спроси у него.

Дядька оказался мужиком лет шестидесяти, с лицом, похожим на печёную картошку. Он курил «Приму» у своей разваливающейся машины и сразу согласился везти — за пятьсот рублей. В Малиновку, правда, не обещал доехать: «Дороги нет, дальше Космынина только лес. А там пешком километров пять, не меньше».

— Мне туда и надо, — сказал Ярослав.

— Дело твоё, — мужик пожал плечами. — Только учти: в Малиновке никто не живёт. Осталось то всего три дома, и все пустые. — Он сплюнул на землю. — Местные обходят это место за версту.

— Почему? — удивленно спросил Ярослав.

Мужик посмотрел на него долгим взглядом. Потом сказал тихо:

— Потому что те, кто туда ходил, возвращались другими. Или не возвращались вовсе.

Они сели в машину. Двигатель чихнул, завёлся. «Копейка» покатила по разбитой дороге, поднимая столб пыли. Ярослав смотрел в боковое зеркало — Нерехта уменьшалась, сворачивалась в точку, будто её и не было.

Впереди был лес. И дом. Он проверил, на месте ли папка. На месте. Цикада на обложке тускло блеснула в луче солнца.

Машина остановилась на опушке леса. Дальше дороги не было — только колея, уходящая в чащу, да указатель, сколоченный из двух досок. На одной доске было написано «Малиновка — 5 км», на второй — «Не ходи, убьёт».

Ярослав усмехнулся. Угроза выглядела настолько прямолинейной, что казалась фальшивкой. Туристическая страшилка, не больше.

— Приехали, — сказал водитель, не глуша двигатель. — Дальше сам. Я туда не поеду.

— Боитесь?

— А ты нет? — мужик посмотрел на него с искренним удивлением. — Ты вообще в зеркало на себя посмотри. Глаза горят, как у бешеного. Ты зачем туда прёшь?

— Отца ищу.

— Отца? — мужик покачал головой. — В Малиновке отцов не находят. Там находят только вопросы. И никогда — ответы.

Ярослав расплатился, забрал рюкзак, вышел из машины. «Копейка» развернулась, взвизгнув шинами по гравию, и укатила обратно в сторону Нерехты. Через минуту её не было слышно.

Остался только лес.

Тихий, плотный, с высокими соснами и чёрной землёй. Пахло хвоей и прелыми листьями. Где-то в глубине стучал дятел — тук-тук-тук, как метроном. Ярослав достал компас, сверил направление. Тропа вела на северо-восток. Он двинулся вперёд.

Первый километр прошёл легко. Лес был живым — птицы, ветер, солнечные зайчики на стволах. На втором километре началось странное. Птицы замолкли. Все разом, как будто кто-то нажал на невидимую кнопку. Ветер стих. Даже дятел перестал стучать.

Тишина стала плотной, как вода.

Ярослав остановился. Прислушался. Ничего. Только собственное сердце — глухо, тяжело, где-то в горле. Он сделал ещё десять шагов. И вдруг услышал это.

Стрекотание.

Не одно — сотни цикад, сливающихся в монотонный гул, который заполнял пространство, давил на барабанные перепонки. Но цикад не могло быть в мае. Не могло быть в сосновом лесу. И не могло быть так громко.

Звук нарастал.

Ярослав зажал уши ладонями — бесполезно. Стрекотание звучало внутри головы, как будто цикады поселились прямо в черепе. Он закрыл глаза, присел на корточки, пытаясь взять себя в руки. Сжал зубы. Считал до десяти. На счёт «семь» звук прекратился. Так же внезапно, как начался. Он открыл глаза. Лес снова был тихим, но теперь тишина казалась притворной, как будто деревья и трава затаили дыхание и ждали.

Ярослав поднялся. В руке всё ещё был компас. Стрелка дрожала, но указывала на север. Он пошёл дальше. Через полчаса лес расступился. Впереди, на невысоком холме, стояла деревня. Три дома, два из них — развалины. И один — целый, срубленный из тёмного, почти чёрного бревна. Окна — два на фасаде — смотрели на него пустыми глазницами. Ни занавесок, ни стёкол? Нет, стёкла были. Но такие тёмные, что казалось, будто дом выпил весь свет вокруг.

Ярослав достал фотоаппарат, сделал три снимка. Затвор щёлкнул сухо и неестественно громко в этой тишине. Он ждал, что увидит свет в окнах. Было ещё светло — около семи вечера, солнце висело низко над горизонтом. Но что-то внутри подсказывало: надо ждать темноты.

Он отошёл в сторону, за старый сарай, откуда дом был хорошо виден. Сел на бревно, достал флягу с водой, сделал глоток. В дневнике написал:

«24 мая, вечер. Я у цели. Дом выглядит как обычный, слишком обычный. Это подозрительно. В нём нет ничего, что кричало бы об опасности. И именно это пугает больше всего. Буду ждать ночи. Если загорится свет — войду.»

Он убрал дневник и стал смотреть на дом. Тот смотрел в ответ. И в этот момент — впервые за всё время — Ярослав понял, что значит фраза «дом, в котором никто не жил». Он не пустой. Он ждёт. Ждёт, когда кто-нибудь придёт и заполнит его собой. Как пазл, который не может собраться без последней детали.

Он не знал, станет ли он этой деталью.

Но знал, что узнает это уже очень скоро...

Глава 2. Деревня

Малиновка, утро 25 мая 2000 года

Он не спал.

Всю ночь просидел за сараем, привалившись спиной к гнилым доскам, и смотрел на дом. Тот не зажигал света. Окна оставались тёмными, пустыми, как выбитые глаза. Но Ярослав знал — он ждал не зря. Что-то в этом доме было живым. Не свет, не движение, а само присутствие. Как если бы здание дышало, но так медленно, что человеческий глаз не мог уловить движение стен. Под утро его сморило. Он отключился на час, не больше — проснулся от холода и от того, что кто-то тронул его за плечо. Резко открыл глаза. Никого. Только ветер, который налетел откуда-то с востока, и туман, стелющийся по земле белыми языками.

Он проверил рюкзак — всё на месте. Папка отца, дневник, фотоаппарат. Диктофон. Он вынул диктофон, нажал запись и проговорил шёпотом:

— Шесть утра, Малиновка. Дом не зажигал свет. Впечатление, что он... ждёт. Не знаю, чего. Пойду осмотрю деревню.

Он поднялся. Затекие ноги не слушались, в спине стреляло. Сделал несколько шагов к первому дому — тому, что стоял ближе к лесу. Дом был старым, ещё дореволюционной постройки, с резными наличниками, которые давно не знали краски. Окна заколочены крест-накрест. Крыша провалилась в одном месте, и из дыры торчала сухая ветка. Ярослав толкнул дверь. Она не поддавалась — заперта изнутри. Странно. В заброшенной деревне запирают дома некому и незачем. Он обошёл вокруг, заглянул в щель между досками. Внутри было темно, но он разглядел стол, лавку, и на столе — керосиновую лампу. И рядом — кружку. Как будто кто-то только что встал и вышел.

— Есть кто? — спросил он в пустоту.

Тишина. Только туман шевелился у ног.

Он отошёл от дома и направился к другому — тому, что стоял с другой стороны от «чёрного» дома. Этот был меньше, похож на баню, но без трубы. Дверь открыта. Внутри — пустота. Ничего. Ни стола, ни лавки, ни даже паутины. Просто четыре стены, земляной пол и запах сырости.

Но на стене — рисунок. Углём, небрежно. Цикада.

Ярослав замер. Рисунок был свежим — уголь не осыпался, линии чёткие. Кто-то был здесь. Недавно. Может быть, вчера. Может быть, ночью, пока он сидел за сараем и смотрел на чёрный дом.

Он сфотографировал рисунок. Потом достал блокнот и зарисовал цикаду — так, как учили в институте на курсе криминалистики (один факультатив, который он взял из чистого интереса). Сравнил с символом на отцовской папке. Полное совпадение.

Он вышел на улицу. Туман рассеивался, обнажая деревню. Три дома. Два старых, покосившихся. А третий — чёрный — выглядел новым. Странно новым. Словно его срубили вчера, хотя построили ещё в 1988 году. Двенадцать лет под дождём и снегом — а дерево не взяло ни единого следа времени. Бревна не растрескались, не пахли грибом. Они пахли свежей древесиной. Так не бывает.

Ярослав подошёл ближе. Крыльцо — три ступени, перила с точеными балясинами. Дверь массивная, дубовая, с кованой ручкой. Ни замка, ни засова. Он толкнул — дверь открылась.

Внутри было темно. Пахло сухим деревом и ещё чем-то — сладковатым, приторным, как от старых духов. Ярослав включил фонарик. Луч выхватил из темноты прихожую, пустую, с голыми стенами. Дальше — комната. И в ней — стол. На столе — ничего. Но на полу —

следы. Чьи-то ботинки, мужские, сорок второй размер, оставили отпечатки на тонком слое пыли. Следы вели из комнаты в другую дверь.

Ярослав пошёл по ним. Вторая комната оказалась спальней. Кровать без матраса, железная сетка. И на подоконнике — фотография.

Он поднял её. Обычная чёрно-белая фотография, любительская. На ней — семья. Мужчина, женщина, двое детей. Все улыбаются, стоят на фоне... этого дома. Но дома на фото нет — он только угадывается за спинами. А лица... Ярослав поднёс фотографию ближе к фонарику. Лица были размыты, как будто кто-то специально затер их пальцем. Или они сами стёрлись.

Он перевернул снимок. На обороте — надпись шариковой ручкой: «Август 1988. Первые».

«Первые».

Он положил фотографию в карман куртки. Сделал несколько снимков комнаты, следов, кровати. Потом вышел на крыльцо и закурил — хотя бросил два года назад. Пачка «Мальборо» лежала в рюкзаке на всякий случай. Сейчас этот случай настал.

Странное чувство не покидало его. Он был в доме, но дом не реагировал. Ни звуков, ни света, ни движущихся теней. Только эта фотография и сладковатый запах. Слишком спокойно. Слишком пусто.

Он докурил, затушил окурок о подошву ботинка и вернулся к первому дому — тому, который был заперт изнутри. Теперь, когда туман рассеялся, он заметил, что задняя стена дома почти обвалилась, открывая проход внутрь. Не нужно было ломать дверь.

Он пролез через щель между брёвнами, обдирая плечи о щепки, и оказался в маленьких сенях. Здесь пахло иначе — не сладко, а горько, как от прелых листьев и давно потухшей печи.

Он включил фонарик. Луч скользнул по стенам, выхватив из темноты старый половик, рассыпавшийся в труху, икону в углу — тёмную, с почти стёртым ликом, и стол, на котором стояла керосиновая лампа. Рядом с лампой — кружка. Глиняная, с отбитым краем. На дне кружки — вода. Не мутная, не зелёная, а чистая, как будто её налили сегодня утром.

Ярослав провёл пальцем по поверхности воды. Холодная. Он поднёс кружку к носу — без запаха.

Кто-то был здесь. Недавно. Оставил лампу, налил воду. Но где этот кто-то?

Он двинулся дальше, в следующую комнату. Та оказалась спальней — маленькой, с низким потолком и железной кроватью, на которой лежал тюфяк, набитый соломой. На тюфяке — детская игрушка. Плюшевый заяц с оторванным ухом. Пыльный, выцветший.

Ярослав поднял зайца. Внутри что-то зашуршало. Он потряс — из разорванного шва посыпались опилки и... маленький свёрток бумаги. Он развернул его. Это был клочок из тетради в клетку, на котором детским почерком, печатными буквами, было написано:

«МЕНЯ ЗОВУТ ДАША. МНЕ 6 ЛЕТ. Я ЖИВУ В ЭТОМ ДОМЕ. МАМА СКАЗАЛА НЕ ГОВОРИТЬ НИКОМУ. НО Я БОЮСЬ. ПО НОЧАМ ПРИХОДИТ ТЕТЯ. ОНА ГОВОРИТ, ЧТО ОНА — ЭТО Я. НО ЭТО НЕ ПРАВДА. ОНА ЧУЖАЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА».

Сердце забилося чаще. Он перечитал записку три раза. Девочка. Шесть лет. Кто-то приходит по ночам и говорит, что она — это я. Страх детский, но слишком конкретный.

Он положил записку в папку, а зайца — обратно на кровать. Сфотографировал комнату, игрушку, кружку с водой. Вылез из дома.

На улице он остановился, чтобы записать в дневник. Рука дрожала, но он заставил себя писать чётко:

«25 мая, раннее утро. Первый дом (у леса). Записка от девочки Даши, 6 лет. Жалуется на "тётю", которая приходит ночью и называет себя ею. Вода в кружке свежая. Кто-то здесь живёт? Или жил до сих пор?»

Он захлопнул дневник и пошёл ко второму дому. Тот, что стоял справа от чёрного, был когда-то двухэтажным. Второй этаж давно рухнул, обломки брёвен лежали прямо на земле, поросшие мхом. Вход в нижний этаж был завален, но сбоку, там, где стена осела, образовался лаз. Ярослав пролез внутрь, обдирая локти.

Внутри было сумрачно, но свет пробивался сквозь щели в потолке. Он увидел длинный стол, лавки вдоль стен, на стене — старый календарь, оторванный на сентябре 1992 года. На календаре — фотография деревенской церкви.

Ярослав подошёл к столу. На столе лежала тетрадь — общая, в клетку, с вырванными страницами. Он открыл её. Несколько страниц были исписаны одним и тем же почерком — женским, аккуратным, с округлыми буквами.

«День первый. Мы приехали. Дом красивый. Муж говорит, что это временно. Но мне здесь нравится. Тихо.»

«День третий. Ночью кто-то ходил по крыше. Я спросила мужа — он не слышал. Может, показалось.»

«День седьмой. Я нашла фотографию, которой не делала. На ней мы стоим перед этим домом. Но мы никогда не фотографировались. Откуда она? Муж сказал выбросить. Я не выбросила.»

«День двенадцатый. Он меня не узнал. Смотрит как на чужую. Я плакала. Он спросил, кто я. Потом извинился, сказал, что голова болит. Но я вижу — он меня боится.»

«День восемнадцатый. Я проснулась, а его нет. И вещей нет. И фотографий наших нет. Как будто его никогда не было. Но дети? Детей тоже нет. Я одна в доме. И я не помню, как меня зовут.»

Дальше страницы были вырваны. Последняя запись обрывалась на полуслове.

Ярослав перечитал дневник дважды. Кровь стучала в висках. История женщины, которая забыла себя, — это перекликалось с тем, что было написано в отцовских документах: *«Кто входил — выходил с чужими воспоминаниями»*.

Он аккуратно вырвал исписанные страницы (их было всего четыре) и положил в папку. Тетрадь вернул на место. Вылез из дома. Он прошёл дальше по улице, за второй дом. Там, где когда-то был огород, теперь рос бурьян в человеческий рост. И среди бурьяна — одинокая берёза. Он остановился на минуту, чтобы перевести дух. В голове не укладывалось: женщина, которая забыла себя, девочка, к которой по ночам приходит чужая «тётя». И всё это — в одной деревне, в трёх домах, которые стоят здесь уже 12 лет, и кажется, что время для них остановилось.

Он достал диктофон, проговорил:

— Второй дом, двухэтажный. Дневник женщины. Исчез муж, потом дети, потом она забыла своё имя. Связь с домом — фотографии, которые появляются сами. Вопрос: женщина — одна из «первых»? Или она приехала позже?

Он обошёл деревню по периметру. За амбаром — старый колодец. Сруб сохранился, но вода в нём стояла зелёная, и оттуда пахло не болотом, а тем же сладковатым запахом, что и в чёрном доме. Ярослав заглянул внутрь — в глубине, на поверхности воды, плавало что-то белое. Он достал фонарик, посветил. Фотография. Ещё одна. Промокшая, но не размякшая. Он не стал её доставать — побрезговал или испугался, сам не понял. Просто запомнил и отошёл, но через несколько шагов обернулся. Ему показалось, что из воды кто-то смотрит. Он подошёл снова, посветил фонариком. Вода была неподвижной, фотография исчезла. Только зелёная муть и сладковатый запах, который теперь казался сильнее.

— Наваждение, — сказал он себе. Но в дневнике всё же записал:

«Колодец. Фотография исчезла. Проверить утром, если останусь.»

Он сунул блокнот в рюкзак и направился к центру деревни. Солнце уже поднялось выше, но тени домов не укорачивались — они лежали на земле, как чёрные лужи, и не двигались.

Ярослав заметил это только сейчас. Посмотрел на свои часы — десять утра. Тени должны были быть короткими. А они тянулись на восток, будто солнце только вставало.

Он сделал снимок теней. Потом оглядел все три дома. Они стояли треугольником. И тени от каждого падали не в одну сторону, а сходились в центре этого треугольника — там, где не было ничего, кроме утоптанной земли. Как будто домов было не три, а четыре. И четвёртый — невидимый — находился в центре.

Он запомнил это. Потом, возможно, пригодится.

Время близилось к полудню. Он посмотрел на лес. Туман почти рассеялся, и в просветах между соснами угадывалась дорога. Та самая, по которой он пришёл вчера. Она вела обратно в Космынино.

Он решил сходить туда. Нужно было поговорить с местными. Узнать, что они знают о доме, о женщине из дневника, о девочке Даше. И о том, кто мог оставлять рисунки цикад.

Космынино, полдень

Посёлок был больше, чем он ожидал. Десятка два домов, магазин, заброшенный клуб, водонапорная башня. Тишина, но не та, мёртвая, как в Малиновке, а ленивая, полуденная. Где-то лаяла собака. Где-то стучал молоток — чинили забор. Жизнь текла медленно, как патока.

Ярослав зашёл в магазин — маленький, с вывеской «Продукты», написанной от руки. За прилавком стояла женщина лет пятидесяти, в синем халате и с уставшими глазами.

— Здравствуйте, — сказал Ярослав. — Мне бы поговорить с кем-нибудь из старожилов. Про Малиновку.

Женщина замерла. Рука с пачкой печенья застыла в воздухе.

— А вы кто будете? — спросила она тихо.

— Журналист из Москвы. Расследую одно исчезновение.

— Исчезновение? — она поставила печенье на прилавок и перекрестилась. — В Малиновке никто не исчезал. Там и жить-то некому.

— А до этого? В девяностые?

Женщина посмотрела на дверь, потом на него. Взяла паузу, слишком долгую.

— Вам лучше к деду Егору сходить. Он на краю посёлка живёт, в синем доме. Он всё знает. Но говорить... не знаю, захочет ли.

— Спасибо.

— И вот ещё, — она окликнула его уже на пороге. — Вы из того дома... не приносите с собой ничего. Хорошо?

Ярослав кивнул. Вышел.

Дед Егор оказался высоким стариком с жёстким взглядом и руками, похожими на корни деревьев. Он сидел на лавочке у своего дома, курил самокрутку и смотрел на дорогу. Увидев Ярослава, не удивился.

— Из Москвы? — спросил вместо приветствия.

— Да. А вы откуда знаете?

— По обуви. — Дед усмехнулся. — Наши так не одеваются. Ты из-за дома?

Ярослав сел рядом на перевёрнутое ведро.

— Да. Мой отец пропал в 1998. Он был связан с институтом, который изучал этот дом. Не знаю, звучит как бред. На кой черт целой организации наблюдать за каким-то там домом... Я нашёл документы. Хочу понять, что там произошло.

Долгое молчание. Дед докурил, затушил окурочок о подошву сапога.

— Институт, говоришь? — он покачал головой. — Похоже, что были такие. Приезжали в 1988, когда дом построили. Потом в 1990, 1992, 1994. Потом перестали. А в 1998 опять появились. Мне староста рассказывал, что какой-то московский мужик приезжал, ходил вокруг

дома, что-то записывал. А потом пропал. Как сквозь землю. Машина его осталась на опушке, а сам — нет. Милиция искала, не нашли. Дело закрыли.

Ярослав достал блокнот и показал деду зарисованную цикаду.

— Этот символ вам знаком?

Дед надел очки, посмотрел, потом снял их и долго молчал.

— Цикада, — сказал он наконец. — Я такую в одном месте видел. Давно. Ещё в восемьдесят восьмом, когда дом только построили. Приезжали люди на машинах, ходили вокруг, что-то мерили. На папках у них был этот знак. Я тогда ещё подумал: «Насекомое какое-то». А один из них, молодой ещё, сказал мне: «Цикада, символ терпения. Она семнадцать лет под землёй живёт, а потом вылезает — и все её слышат». Я не понял тогда. А теперь, может, начинаю понимать.

— Семнадцать лет, — повторил Ярослав. — 1992 плюс семнадцать — 2009. Это далеко.

— А ты уверен, что отсчёт идёт от постройки? — Дед посмотрел на него странно. — Может, он раньше начался. Может, этот дом стоял здесь всегда, просто его не видели. А построили — только стены поставили, чтобы люди внутрь заходили. Как клетку.

Ярослав хотел узнать, что значит «клетка», но дед посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, и спросил:

— Ты ночевал в нём?

— Нет. Только заходил.

— И ничего не случилось?

— Нет. Нашёл фотографию. И ещё... в других домах нашёл детскую записку и дневник женщины. Они жили там в начале девяностых. Потом исчезли.

Дед вдруг побледнел. Схватил Ярослава за рукав.

— Какие дома? Ты заходил в старые дома?

— Да. А что?

— А то, — Дед заговорил шёпотом, почти беззвучно, — что эти дома не для живых. Те, кто там жил, ушли, но не все. Некоторые остались. Не в нашем мире — в памяти дома. Ты брал что-нибудь оттуда?

— Записку и страницы из дневника.

Дед отшатнулся, как от удара.

— Зря. Зря ты это сделал. Теперь ты принёс их память в себе. Они теперь с тобой. И ты с ними.

Ярослав хотел спросить, что это значит, но дед уже встал, отвернулся и махнул рукой.

— Уходи. И не возвращайся в Малиновку. Если можешь.

— Я не могу. Отец там.

— Отца твоего там нет. Там только то, что от него осталось. А это не отец.

Дед ушёл в дом и закрыл дверь.

Ярослав постоял, глядя на замок. Потом развернулся и зашагал обратно в Малиновку. Солнце стояло высоко, но ему казалось, что день темнеет с каждой минутой.

По пути в Малиновку

Лес встретил его тишиной. Но теперь эта тишина была другой — не живой, не выжидательной, а угрожающей. Ветки наклонялись к нему, как будто хотели что-то шепнуть. Под ногами хрустели сучья, и каждый звук казался слишком громким.

На полпути он остановился. Прислонился к сосне, закрыл глаза. Мысли путались. Дед сказал: «Теперь они с тобой». Кто — они? Женщина из дневника? Девочка Даша? Или те, кто жил в этих домах до них?

Он открыл глаза. Перед ним на стволе сосны была вырезана цикада. Свежая, с белыми срезами древесины, без коры. Как будто кто-то вырезал её минуту назад ножом.

Он огляделся. Никого.

Он вынул дневник, записал. Потом пошёл дальше, ускоряя шаг. Ему казалось, что за ним следят. Несколько раз он оборачивался — никого. Только сосны, и между ними — просветы, и в этих просветах — ничего.

Он вышел на опушку. Впереди была Малиновка. Дом стоял на холме, чёрный, неподвижный. Но теперь, в свете дня, Ярослав заметил то, чего не видел утром: на крыше, на самом коньке, сидела фигура. Маленькая, сгорбленная, похожая на старика или на большую птицу.

Он остановился. Фигура не двигалась. Он поднёс к глазам фотоаппарат с телеобъективом (у него была сменная оптика, он взял на всякий случай). Навёл резкость.

На крыше никого не было. Только черепица и старая металлическая флюгарка, которая качалась на ветру.

Галлюцинация. Или нет.

Он опустил камеру и вошёл в деревню.

Вечер

Он не пошёл в дом. Сел на крыльцо того самого сарая, где ночевал, и стал ждать темноты. Нужно было отдать фотографию. Дед сказал — положить на место. Но место — это подоконник в спальне. Значит, надо зайти ещё раз.

Ярослав вынул фотографию, посмотрел на размытые лица. «Первые». Может быть, эти люди тоже заходили в дом, брали что-то и не вернули. Может быть, они всё ещё там.

Он сунул фотографию обратно в карман. Проверил ладан — мешочек был тёплым, хотя на улице становилось прохладно. Странно.

Достал дневник, написал:

«25 мая, вечер. Поговорил с дедом в Космынине. Он сказал, что дом меня запомнил. И что если не вернуть фотографию, я не уйду. Я не верю в мистику, но слишком много совпадений. Цикады, рисунки, звуки. Пойду отдавать снимок. Если не напишу больше — ищите меня в Малиновке. Или в доме.»

Он убрал дневник, встал и пошёл к чёрному дому.

Солнце уже садилось. Тени удлинялись, и дом отбрасывал их не в ту сторону, куда следовало — не на восток, а на запад, как будто свет шёл изнутри.

Он открыл дверь. В прихожей было темно. Включил фонарик. Прошёл в спальню. Подоконник пуст. Он положил фотографию лицом вверх. Отступил на шаг.

Ничего не произошло.

Тогда он развернулся и пошёл к выходу. И вдруг услышал — сзади, в спальне, щёлкнуло. Как будто кто-то нажал кнопку фотоаппарата.

Он обернулся.

На подоконнике лежала новая фотография.

Он не мог её там оставить. Подошёл, взял в руки. На снимке — он сам. Он сидит на крыльце сарая, спит. Фотография сделана ночью, со вспышкой — его лицо бледное, глаза закрыты. И на фоне, за его спиной — дверь дома, открытая.

Но он не спал на крыльце. Он сидел, не смыкая глаз. И никого не было. Не могло быть.

Он перевернул снимок. На обороте — надпись:

«С нами...»

Запись была не закончена. Буквы обрывались, как будто тот, кто писал, не успел или не смог дописать. Ярослав поднёс фотографию к фонарику, в углу снимка, за его спящей фигурой, на фоне открытой двери дома, виднелась вторая тень. Не его собственная. Чья-то ещё. Тонкая, высокая, с неестественно длинными руками.

Тени не было на самом деле. Он это точно знал. Но на фотографии она была.

Он перевернул снимок обратно, посмотрел на своё лицо. Глаза закрыты, но рот приоткрыт — будто он что-то говорил во сне. Или кто-то говорил за него.

— Ты уже здесь, — прошептал он сам себе. — Ты уже внутри.

Он нервно сунул фотографию в карман — хотя обещал себе не брать больше ничего. Но теперь было поздно. Дом уже взял своё.

Рука задрожала. Он выбежал из дома, не закрывая дверь, и побежал по тропе в лес. Бежал, не разбирая дороги, пока не выскочил к опушке, где вчера его высадил таксист. Там упал на траву и долго лежал, глядя в небо.

Звёзды зажигались одна за другой. В лесу кто-то стрекотал.

Цикады.

Он зажал уши, но звук не прекращался. Он был везде. В воздухе, в земле, в нём самом. Ярослав закрыл глаза и громко, в панике прокричал:

— Я не вернусь!!! Я не вернусь!!! Ты слышишь?! Не вернусь!!!

Но он знал, что это неправда.

Он вернётся. Потому что дом уже держал его.

Глава 3. Дом

Звёзды смотрели на него равнодушно. Лес молчал. Даже цикады затихли — будто прислушивались к его панике. Ярослав лежал на траве у опушки, тяжело дыша, и чувствовал, как земля под спиной холодная, влажная, живая. Она дышала вместе с ним. Или вместо него.

Он не помнил, когда закрыл глаза. Просто вдруг понял, что веки стали тяжёлыми, а мысли — вязкими, как смола. Где-то далеко, за гранью сознания, звучали голоса — незнакомые. Он не разобрал слов. Потом голосов стало ещё больше. Потом они слились в стрекотание.

Он провалился.

* * *

Лес, но не тот, что сейчас. Сосны ниже, трава зеленее, и небо — не ночное, а предзакатное, июньское, тяжёлое от духоты.

На опушке, возле дома с крыльцом в три ступени, курил мужик, широкий в плечах, лет 64. Он стоял, опершись на вилы, и смотрел на проходящих трёх человек, которые направлялись в сторону леса.

— Хм... Насекомое какое-то?! Чёрт его разберёшь, — нервно пробубнил он, стряхивая пепел. — Ходят тут, что-то вынюхивают. Золото, что ли, нашли какое, или что?

Один из уходящих — молодой человек в светлой рубашке с закатанными рукавами — остановился. Ему было лет тридцать, не больше. Лицо спокойное, даже приветливое. Он обернулся и сделал шаг назад.

— Это цикада, — сказал он, указывая на значок на своей папке. — Символ терпения. Она семнадцать лет под землёй живёт, а потом вылезает — и все её слышат.

Он говорил дружелюбно, с лёгкой улыбкой, и похлопал деда по плечу, как старого знакомого. Мужик удивлённо посмотрел ему вслед, затянулся самокруткой. Молодой человек уже хотел идти дальше, но вдруг снова развернулся, чуть наклонив голову.

— Не золото, мужик, мы тут ищем, — добавил он уже спокойнее. — Далеко не золото. Так, геологическая разведка. Тут дом поставим, кордон сделаем, чтобы сотрудник мог отсюда наблюдения свои отправлять к нам, так сказать, «не отходя от кассы». Понимаешь, места у вас тут хорошие, богатые на ресурс. А стране ресурс нужен, ты в курсе вообще, что в мире-то происходит?

В его голосе прозвучала лёгкая насмешка. Мужик выпрямился, поправил картуз.

— Конечно, в курсе! — ответил он с вызовом. — Думаешь, мы тут необразованные сидим, в потолок плюём?! Как её у вас там называют: «Холодная война» идёт, да и про Крым даже известно, как наши в Чёрном море с американскими кораблями бодались, в феврале, по моему. «Красный таран» кличут инцидент.

Он говорил нервно, слегка пренебрежительно, но в глазах мелькнуло что-то детское — гордость от того, что он, житель глухой деревеньки, знает такие вещи.

Молодой человек добро ухмыльнулся, поднял руку, как бы успокаивая.

— Ну полно, полно. Я ж не в обиду. Не сердчай, друг.

И вдруг его лицо изменилось. Не плавно, не постепенно — а рывком, как если бы кто-то сдёрнул маску. Улыбка исчезла. Глаза стали холодными, неподвижными, и в них не осталось ничего человеческого — только пустота, в которой отражался закат. Голос упал до шёпота, но в этом шёпоте слышалась сила, от которой у мужика опустились плечи.

— Мужик... ты это... постарайся сюда не ходить. И то, что мы разговаривали с тобой, забудь тоже. Не надо тут землю топтать тебе. Сверху смотрят, проблем потом не оберёшься. Живи спокойно и будь здоров.

Молодой человек развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Его спутники — двое мужчин в тёмных куртках — ждали его на краю опушки. Они о чём-то переговорили, потом все трое скрылись в лесу.

Мужик опешил. Постоял, глядя им вслед, потом плюнул на землю и сквозь зубы проговорил:

— Понаедут тут... земли только хапают...

Их было девять. Девять изб, разбросанных по склону холма, с огородами, колодцами, тропинками. Маленькая деревня, которая жила своей тихой жизнью, пока не пришли чужие люди с цикадами на папках.

* * *

Дом отстроили за месяц. Возводили с неестественной быстротой — топоры взлетали и опускались, брёвна укладывались одно к одному, и к середине июля на холме стоял готовый сруб с крыльцом и окнами, глядящими на лес.

В конце июля 1988 года в деревню въехал серый ВАЗ-2107 с потёртыми сиденьями. Из неё вышли четверо: мужчина лет сорока, женщина чуть моложе, и двое мальчишек — один лет десяти, другой на вид семь-восемь.

Мужчина был небольшого роста, с залысинами, немного полноватый. Он держал в руке кожаную папку. Женщина оглядывалась с тревогой, прижимая к груди узел с вещами. Мальчишки выскочили первыми, начали бегать по траве, кричать что-то про речку и лягушек.

— Тихо вы! — прикрикнул мужчина, но беззлобно. — Расшумелись! Хватит баловаться.

Они занесли вещи в дом. Внутри пахло свежим деревом и известкой. Мужчина прошёлся по комнатам, что-то записывая в блокнот. Женщина расставляла посуду на грубом столе.

— Хороший дом, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Просторный. Детям будет где бегать.

— Это ненадолго, — ответил мужчина, не поднимая головы от записей. — Год, может, два. Потом вернёмся.

— А если не захотим возвращаться? — спросила женщина тихо.

Мужчина поднял глаза. В них мелькнуло что-то — усталость или страх.

— Захотим, — сказал он. — Обязательно захотим.

Самый младший мальчик — тот, что поменьше, — сидел на подоконнике и смотрел в окно. Он не бегал, не кричал. Он просто смотрел. И вдруг сказал:

— Пап, а почему в одной из комнат нет углов?

Мужчина замер.

— Что?

— Углов, — повторил мальчик. — В нашей старой комнате были углы. А здесь нет. Они круглые.

Мужчина дошел до комнаты, провёл рукой по стене.

— Углы. Они... — он не договорил. Покачал головой. — Ничего. Кажется, я устал с дороги.

Он вышел на крыльцо, закурил. Мальчик остался сидеть на подоконнике.

Прошла неделя. Мужчина ходил в лес с приборами, измерял что-то, записывал. Женщина готовила еду, стирала, штопала. Мальчишки играли в казаки-разбойники, бегали к ручью, ловили стрекоз.

Но в их играх появилась странная деталь: они всё чаще убегали не из дома, а внутрь — в ту самую комнату, где якобы нет углов. Заходили туда и сидели тихо, часами. Выходили оттуда с пустыми глазами, и старший брат потом не мог вспомнить, что делал последний час.

— Что вы там все время сидите?!, — негодовала мать. — Вам заняться нечем?! По дому бы помогали, или на улицу шли, если толку от вас нет!

— Мы играем, мам, — отвечал младший. — Там тихо. И там всегда кто-то есть. Он добрый.

Женщина перекрестилась.

— Да что вы брешете?! Оболтусы, мать только пугаете! А ну брысь отсюда!

Женщина хотела было замахнуться на них полотенцем, но мальчишки успели уже убежать, громко топая ногами по полу. Она лишь успела проводить их взглядом.

Женщина постояла с полотенцем в руке, прислушиваясь к удаляющемуся топоту. В доме снова стало тихо. Слишком тихо. Она вытерла руки полотенцем и уже хотела возвращаться обратно на кухню, как вдруг замерла.

Из комнаты — той самой, где были дети — донеслись шаги.

Тяжёлые. Медленные. Чьи-то ботинки — большие, взрослые — ступали по голым половицам. Раз-два. Раз-два. И остановились у двери.

Женщина не дышала. Полотенце выпало из рук, упало на пол, но она не слышала звука. Она слышала только своё сердце — оно колотилось где-то в горле, в висках, в груди, готовое выскочить.

Шаги не приближались. Они были прямо за дверью.

Детей там нет, — пронеслось в голове. Дети убежали на улицу. Я видела.

Она сделала шаг назад. Потом остановилась. Стыдно. Глупо. В собственном доме бояться собственной тени. Это мальчишки напугали своими рассказами. Просто показалось. Сквозняк. Или кошка забрела.

— Кто там? — спросила она, и голос её прозвучал чужим, тонким.

Тишина.

Она перекрестилась, нащупала на стене дверную ручку. Сжала её. Дерево было холодным, но под пальцами, ей показалось, что-то пульсировало — слабо, но ритмично, как второе сердце.

— Господь с нами, — прошептала она и толкнула дверь.

Комната была пуста.

Никого. И никаких следов — только пыль на полу, которую они ещё не успели подмести.

Женщина постояла на пороге, разглядывая комнату. Сердце постепенно успокаивалось. Шагов больше не было. Только стрекот за окном — обычный, привычный.

— Накрутила, — сказала она себе вслух. — Вот дура. Дети наплели невесть чего, а я и поверила.

Она закрыла дверь, вернулась к плите. Похлёбка кипела, пуская пузыри. В дом с улицы забежали мальчишки, с криками, с хохотом. Женщина шлёпнула младшего полотенцем — уже беззлобно, нарочито.

— Чтоб больше в эту комнату ни ногой! — приказала она. — Слышите?

— Слышим, слышим, — ответил старший, подмигнул брату, и оба выбежали в сени.

А женщина ещё долго стояла у плиты, помешивая ложкой, и не могла отделаться от ощущения, что в той комнате кто-то остался. Смотрит сквозь закрытую дверь. И улыбается.

В начале августа, в воскресенье, они сделали фотографию. Женщина достала старый «Зенит», поставила всех на фоне дома. Мужчина обнимал её за плечи, мальчишки стояли впереди, серьёзные, непривычно тихие.

— Улыбайтесь, — сказала женщина, установив таймер.

Она подбежала, встала рядом. Щёлкнул затвор.

Через неделю вся семья исчезла.

Никто не видел, как они уходили. Соседи заметили, что в доме не горит свет, только на вторую ночь. Зашли — пусто. Вещи на месте. Еда на столе. Записей мужа — ни одной.

Дом закрыли. Опечатали. Но печати срывались сами собой.

Через полторы недели после исчезновения семьи из чёрного дома в деревню приехали новые люди. Мужчина — внештатный сотрудник института, нанятый по объявлению в костромской газете. «Требуется наблюдатель для экологических исследований. Зарплата высокая. Жильё предоставляется». Он привёз жену и двоих детей, мальчика лет 12 и девочка 10 лет. Их заселили в просторный, двухэтажный дом. Про предыдущую семью, они естественно ничего не слышали. Им только сказали, что соседний дом стоит пустой, потому что предыдущие жильцы уехали в город, на время.

На пятый день пребывания в деревне, вечером, они зашли в чёрный дом. Просто из любопытства. Постояли на пороге, заглянули в пустые комнаты. Ничего не взяли, ничего не тронули. Но когда вернулись, женщина сказала мужу:

— Там пахнет сладко. Как в церкви.

Мужчина пожал плечами. Сказал, что это старые бревна.

А потом началось.

Мужчина перестал узнавать жену. Дети уже не играли в игрушки, а с невидимыми друзьями, которых называли «те, из соседнего дома». Женщина находила фотографии, которых не делала, и на них лица были размыты.

Она, по приезду, начала вести дневник, короткие записи. Садилась за стол, открывала тетрадь в клетку, выводила аккуратным почерком:

«День первый. Мы приехали. Дом красивый. Муж говорит, что это временно. Но мне здесь нравится. Тихо.»

«День третий. Ночью кто-то ходил по крыше. Я спросила мужа — он не слышал. Может, показалось.»

«День седьмой. Я нашла фотографию, которой не делала. На ней мы стоим перед этим домом. Но мы никогда не фотографировались. Откуда она? Муж сказал выбросить. Я не выбросила.»

«День двенадцатый. Он меня не узнал. Смотрит как на чужую. Я плакала. Он спросил, кто я. Потом извинился, сказал, что голова болит. Но я вижу — он меня боится.»

«День восемнадцатый. Я проснулась, а его нет. И вещей нет. И фотографий наших нет. Как будто его никогда не было. Но дети? Детей тоже нет. Я одна в доме. И я не помню, как меня зовут.»

Женщина постарела за несколько дней. Волосы седали, глаза становились пустыми. Родные исчезали один за другим — из дома, из памяти. Сначала она забыла их имена. Потом забыла, что они вообще были.

И вот последняя страница. Женщина пишет дрожащей рукой, почти не разбирая букв:

«...это всё дом. Это всё соседний дом. Будь он проклят! Он забрал у меня всех. Видимо, пришёл и мой черед.»

Она отложила ручку. Встала. На улице уже темнело, и из леса доносилось стрекотание — цикады, сотни цикад. Женщина вышла на крыльцо, босиком, в ночной рубашке. И пошла. Не к своему дому — к чёрному. Шла медленно, как заворожённая, не оглядываясь.

Она вошла в чёрный дом. Дверь закрылась.

И больше не открывалась.

На следующее утро кто-то пришёл и вырвал последние страницы из её дневника. Тетрадь осталась лежать на столе, но последние записи исчезли. Будто их никогда и не было.

Деревня стремительно пустела. После исчезновения первой семьи и страшной судьбы второй люди начали поговаривать, что место проклято. Старики шептались, что всё началось после того, как на холме построили тот самый дом.

Кто-то собрал вещи сам, кто-то дождался переселения — в районе объявили «укрупнение населённых пунктов». Жителям Малиновки предлагали новые дома в Космынино, в пяти километрах. Молодым нравилось: школа, магазин, медпункт.

— Переселят нас, как собак, — ворчал один из старожилов, сидя на завалинке. — Вон, Космынино в пяти километрах, а туда не наездишься. Да и дома наши за что ломать?

Старики упирались, но и их уговорили — пригрозили, что свет отключат, дорогу чинить перестанут.

Одни дома разобрали и перевезли на новое место — подденут сруб домкратами, подложат брёвна и волоком перетащат на трале. Другим построили новые в Космынине. А старые избы в Малиновке снесли подчистую — от них остались только пустые фундаменты, заросшие крапивой и бурьяном.

К началу девяностых от прежней деревни, где когда-то стояло девять домов, осталось только три. Два — тех, чьи хозяева наотрез отказались уезжать. «Здесь наши корни, — говорили они. — Не троньте». Их оставили в покое — они так и жили в опустевшей Малиновке. Третий — тот самый, чёрный, построенный институтом, — стоял особняком, и никто не решался к нему приближаться.

Казалось, что он высасывает всю жизнь вокруг...

* * *

В 1990 году в деревню приезжали двое, на «Волге» в серых плащах. Ходили вокруг домов, что-то измеряли, фотографировали. В 1992-м — снова. В 1994-м приехали трое. С ними был тот самый молодой человек, который разговаривал с мужиком. Теперь он выглядел старше, жёстче. Он долго стоял перед чёрным домом, потом достал из машины прибор — похожий на большой мультиметр. Стрелка дрожала, указывая на дверь.

— Объект стабилен, — сказал он своему коллеге. — Рекомендую законсервировать.

Потом они уехали. И больше не возвращались до 1998 года.

* * *

Лес. Опушка. Бежевая «Копейка» стоит на траве, припорошенная листвой. Из машины выходит мужчина — высокий, со светло-русыми волосами. Он держит папку с цикадой. Оглядывается по сторонам, потом достаёт блокнот и начинает что-то записывать.

Сергей Павлович Никаноров.

Он идёт по тропе к Малиновке, иногда останавливаясь, чтобы свериться с компасом. Стрелка показывает прямо на чёрный дом. Он подходит к деревне. Останавливается. Смотрит на три дома, на чёрный — последним. Долго стоит, не двигаясь. Потом достаёт фотоаппарат, делает несколько снимков.

Он обходит чёрный дом, заглядывает в окна. Достаёт блокнот, записывает:

«Объект не изменился. Визуальных признаков активности нет. Но чувствуется, как будто стены помнят всех, кто здесь был.»

Потом садится на крыльцо, закуривает. Сидит долго — до темноты. А когда темнеет, в доме зажигается свет. Жёлтое, тёплое свечение льётся из окон, хотя внутри нет ламп.

Сергей Павлович встаёт. Делает шаг к двери. Останавливается. Качает головой.

— Нет, — говорит он вслух. — Не сегодня.

Он разворачивается и быстро идёт прочь, почти бежит. На опушке садится в машину, заводит двигатель. Но «Копейка» не трогается с места — глохнет. Он пробует снова — тишина. Выходит, открывает капот. Внутри всё цело, но машина не заводится.

Тогда он бросает её. Просто оставляет на опушке и уходит пешком — в сторону Космынино. Идёт быстро, иногда оглядываясь. Лес сгущается. Тропа исчезает. И он растворяется вместе с ней...

* * *

— Эй... ээй... проснись... просниись... эй!

Кто-то тряс его за плечо. Грубо, настойчиво. Голос был хриплым, незнакомым.

— Да очнись ты, Христа ради! Замёрзнешь ведь!

Ярослав открыл глаза. Над ним стоял мужик в телогрейке — тот самый таксист, что вчера вёз его из Нерехты. Солнце висело низко, уже утро. Раннее, холодное, с росой на траве. Все та же опушка. В двух шагах стояла его разбитая «копейка», из выхлопной трубы валил сизый дым.

— Ты как здесь оказался? — спросил таксист, не скрывая удивления. — Еду спозаранку в Нерехту, по делам. Гляжу — на обочине тело лежит. Думал, мёртвый. А ты дышишь.

Ярослав сел. Голова гудела, во рту было сухо. Он огляделся — дорога, лес справа, и где-то там, за деревьями, угадывалась Малиновка. Он лежал на том же месте, где вчера выбежал из чёрного дома и брёл, не разбирая дороги, пока не свалился без сил.

— Сколько времени? — спросил он хрипло.

— Половина седьмого. Ты что, всю ночь здесь провалялся? Вон, одежда промокла насквозь. Простыть можешь.

Ярослав не ответил. Он помнил всё. Слишком ярко, слишком отчётливо. Будто не спал, а прожил эти годы заново. Лицо отца, пустые глаза женщины из дневника, детский шёпот: «Там всегда кто-то есть. Он добрый.»

— Ты как? — таксист настороженно разглядывал его. — Может, тебя в Космынино подбросить? Или сразу в больницу?

— Нет, — Ярослав с трудом поднялся на ноги. — Вещи... вещи в Малиновке остались. У сарая.

Таксист переменился в лице. Отступил на шаг.

— В Малиновку? Опять? — переспросил он. — Ты что, сдурел? Я туда ни ногой. Там место... нехорошее.

— Я сам дойду.

— Ну и дурак же ты! — Таксист покачал головой, сел в машину, захлопнул дверь. — Не поминай лихом.

«Копейка» чихнула, развернулась и укатила в сторону Нерехты, оставив Ярослава одного на пустой дороге.

Он постоял, собираясь с мыслями. Потом побрёл к лесу, туда, где в просветах между соснами угадывались крыши Малиновки. Шёл медленно, переставляя ноги, как сквозь воду. Голова была тяжёлой, мысли путались.

На полпути он машинально сунул руку в карман куртки — за сигаретами. Пальцы нащупали не пачку, а сложенный листок бумаги. Он вытащил его, развернул.

Крупным, незнакомым почерком было выведено:

«ТЕБЕ ОНИ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ»

Ярослав замер. Перечитал. Потом огляделся по сторонам — никого. Только лес, только утренняя тишина, в которой даже птицы молчали.

— Где ты?! — закричал он, не понимая, к кому обращается. — Сука... где ты?! Выходи!!! Хватит играть со мной!

Голос ударился о стволы сосен, вернулся эхом и тут же растворился в плотной, почти осязаемой тишине. Никто не ответил. Ни ветер, ни зверь, ни человек.

Он сжал записку в кулаке и пошёл дальше, ускоряя шаг.

В Малиновке было тихо, как в могиле. Он сразу направился к сараю, где вчера оставил рюкзак. Рюкзак лежал на том же месте. Ярослав опустился на колени, расстегнул молнию — внутри оказались только папка отца и дневник. Всё. Ни еды, ни воды, ни батареек, ни флаги.

Он вытряхнул содержимое на траву, перерыл каждое отделение — пусто.

Тогда он встал, размахнулся и пнул рюкзак. Пнул так, что тот отлетел к стене сарая, а вещи разлетелись в разные стороны.

— Да чтоб тебя! Мать его...! — прорычал он, тяжело дыша.

Несколько секунд стоял, глядя на разбросанные листы, потом сел на бревно, достал из другого кармана помятую пачку «Мальборо» — достал последнюю сигарету, и закурил. Руки дрожали. Он глубоко затянулся, закашлялся, но не бросил.

— Ладно, — сказал он сам себе, выпуская дым в серое утро. — Ладно...

Он докурил, затушил окурок о подошву ботинка, аккуратно собрал разбросанные вещи, сложил их в рюкзак. Закинул рюкзак на плечо, поправил лямки.

— В Космынино, — сказал он. — За припасами.

Он пошёл по тропе, не оглядываясь. Но спиной чувствовал — дом смотрит. Дом ждёт.

Он вернётся.

Обязательно вернётся.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.